

РАИСА БОРОВИКОВА

ЭТИ ЦВЕТЫ НЕ СМЕЮТСЯ

РАССКАЗ

1

— Мы зря не заехали в сельсовет, — сказала Вера Николаевна мужу, когда они уже выехали на центральную трассу. — Без разрешения сельсовета никто не станет рыть траншею через дорогу, а воду хотелось бы провести уже сейчас. К колонке далековато, не наносишься.

Антон Павлович, её муж, вяло улыбнулся, он думал о другом, всё ещё сомневался, правильно ли они сделали, приобретя обычную деревенскую усадьбу в небольшой деревушке под Уздою. Тридцать соток земли сегодня иметь заманчиво, но кто их будет обрабатывать, да и изба довольно старая, нужно перестраивать. А если вдруг окажется, что это только временный порыв? За лето-другое натешатся, и что дальше? Будет эта усадьба зарастать бурьяном, сорняками. Правда, Вере хочется как можно больше воздуха, Минск утомляет, в Минске тяжело дышится.

Опускались сумерки. В ветровое окно залетала свежесть придорожного леса.

— Слышишь, я не смогу таскать воду вёдрами, а огород поливать нужно будет, — твердила своё Вера Николаевна, и он соглашался не без доли скептицизма.

БОРОВИКОВА Раиса Андреевна родилась в 1947 г. в д. Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончила Литературный институт имени М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь, Литературной премии имени А. Кулешова и премии Федерации профсоюзов. Главный редактор журнала "Маладосць". Живёт в Минске.

— Что ты нервничаешь? Проложим мы эти трубы. Договорюсь с рабочими, тогда и в сельсовет пойду. А рабочих нужно приглашать из Узды, для этого соответствующие службы есть.

— Понятно, — она повернулась к окну, за которым леса сменялись лугами, дуга — лесами... — Ты любишь всё затягивать. Значит, этим летом будем без воды в своём собственном дворе. Ты с этим заказом ещё не разобрался, а там появится новый, подбросят какого-нибудь деятеля, и будешь его увековечивать в бронзе, всё остальное на меня сбросишь.

Антон Павлович хотел ей возразить, мол, я — скульптор, свободный художник, живу со своих заказов, но ничего не успел сказать. Вера Николаевна будто поперхнулась и тут же выразительно сказала:

— Эти цветы не смеются. Они не смеются!

Антон Павлович удивлённо взглянул на неё и испугался. Вера Николаевна была само отсутствие — лицо её будто окаменело, всё в ней замерло, застыло, только рука легла на его руку, и он крепче сжал руль машины.

— Что ты сказала? Цветы... Какие цветы?

Она убрала руку, открыла сумочку, что лежала у неё на коленях, достала губную помаду, засмеялась:

— Ну, Антон... Мы ещё не решили, как будем с водой, а ты уже сразу спрашиваешь о цветах. Их вначале посадить нужно. Как ты думаешь, снег, наверное, уже к следующим выходным совсем сойдёт, он где-нигде только у забора остался. Если бы каждый день было солнце, земля прогрелась бы скоро, — она провела помадой по губам, обликала их кончиком языка. — Скоро будем в Минске, позвони матери, пусть начинает готовить ужин.

Он достал мобильный телефон, стал набирать домашний номер и всё делал как не своими руками. Его тревожили мысли: “С ней не всё в порядке. Эта фраза о цветах... К чему она? Будто выплыла из её подсознания, и она сама не помнит её...”

Если бы три месяца тому назад после черепно-мозговой травмы Вера Николаевна не перенесла тяжёлую операцию, он, возможно, не придумал бы никакого значения этой её ни с чем не связанной, внезапной фразе, но всё, что им пришлось пережить, ещё болело в нём, и эта фраза взволновала. Человеческий мозг — очень тонкая материя, в эти, как говорится, два полушария серой массы хирургу лучше не вмешиваться. Но операция прошла удачно, здесь он был уверен. Веру оперировал Игорь Курлович, его близкий друг, их с Верой друг, можно сказать, самый лучший в городе нейрохирург, известный профессор, так, собственно говоря, почему он так волнуется?

И это волнение ещё более возросло, просто убило его, когда они, уже приехав домой, сели за стол ужинать. Галина Владимировна, мать Веры, а его тёща, которая жила вместе с ними, без усталости расспрашивала то об одном, то о другом. Они не успевали отвечать, измученные дорогой, а скорее впечатлениями от этой своей первой поездки теперь уже в свою деревню, в свой дом.

— Успокойтесь, Галина Владимировна, — просил он. — Новую электропроводку обязательно сделаем, и я, ей-богу, не против, чтобы вы жили там всё лето.

— Ма-а, — смеялась Вера. — А может, мы и усадьбу купили только ради тебя. Почему ты думаешь, что будешь за сторожа в городской квартире? Когда-то ты продала дачу, а теперь тебя тянет к земле. Меня тоже тянет, ма-а, заведём там индюшек...

— Лучше гусочек, — отозвалась Галина Владимировна. — С индюшками хлопот не оберёшься, а стайку гусочек выгнал к воде и — на целый день... Они и яйца будут нести, это вам не куриные!

— А я так лучше пару-другую страусов завёл бы, на них можно и капитал сколотить. От кого-то недавно слышал, что одно страусиное яйцо в наших краях не один десяток долларов стоит, — сказал не без улыбки Антон Павлович, посмотрел на Веру, и ему стало не по себе. Казалось, что Вера вот-вот задохнётся. Она откинулась на спинку стула, сжала руками виски, силясь что-то сказать, и наконец произнесла:

— Эти цветы не смеются. Они не смеются!

— Вера, Верочка... Доченька моя, — вскочила со стула Галина Владимировна, бросилась к Вере. — Что с тобой происходит? Антон, что она такое говорит? Какие цветы, Верочка?

Антон Павлович тоже поднялся из-за стола. Ему хотелось броситься в прихожую, где стоял телефон, набрать номер Игоря, он же её оперировал, так пусть объяснит, возможно ли такое? Это ненормально. Плохой симптом. Зазвенела тарелка.

— Ма-а, а мясо ты пересолила, — сказала Вера, тыкая вилкой в отбивную. — А ещё и пережарила, вилка не лезет.

— Верочка, — Галина Владимировна беспомощно взглянула на Антона Павловича. — А что это такое ты только что сказала? Ты была как в умопомрачении... Голова не болит? Какие-то цветы упоминала.

— Я?... цветы? — удивилась Вера Николаевна. — Не придумывай, ма-а, лишь бы чего. Я говорю, мясо ты пересолила. От склероза что-нибудь пьёшь?

Антон Павлович, тяжело вздохнув, сел к столу на прежнее место, есть не хотелось, отставил тарелку, взглянул на Галину Владимировну.

— Что теперь? Пойдём к своим телевизорам или, может, Игорю позвонить, пусть на часок-другой заедет к нам со своей Ириной.

Галина Владимировна согласно кивнула, мол, угу-у, пусть заедет, может, уже что-то подобное было в его практике, но Вера возразила Антону Павловичу:

— Не терпится рассказать про усадьбу Курловичам, а вы на часы взгляните... Они, может, уже спят, да и мы не железные. Я с шести утра на ногах. Пойду ополоснусь и — в кровать.

— Ну, смотрите, как вам лучше, — Галина Владимировна выразительно взглянула на Антона Павловича и вышла.

— Обиделась, — сказала Вера. — Гостей ещё нам тут сегодня не хватает. Собери посуду, Антон, я потом её вымою.

Он начал собирать со стола посуду. Вера Николаевна пошла в ванную комнату. “Что бы ни случилось с человеком, всё и остаётся в человеке, — думал Антон Павлович, — только проявляется через время в каких-то иных формах. У Веры очевидная ненормальность. Жизнь ей вернули, а травма осталась и даёт о себе знать самым неожиданным образом. Называется, собрались на Рождество”. И то, что случилось за неделю до Нового года, накануне католического Рождества, выплыло из такого ещё недавнего прошлого. Всё помнилось до мелочей, будто бы опять происходило вот тут, сейчас...

2

Давно уже Антон Павлович не чувствовал такого внутреннего удовлетворения. Ещё несколько лет тому назад деньги не выплачивали месяцами, а тут министерство рассчиталось день в день, как и было записано в договоре. Даже не стал заезжать на заправочную станцию, быстрее поехал домой, чтобы успеть с Верой в магазин, где она что-то присмотрела для себя, так зачем же откладывать на потом то, что можно сделать сегодня. Рождественский подарок от него! Но как только вошёл в прихожую, понял, что никаких магазинов не будет.

— У тебя, Антон, стала короткой память, — зашебетала Вера. — Ты же ещё позавчера звонил Курловичам, приглашал на Рождество. Наконец у нас появляются мелкие деньги, и есть повод, так почему бы не собраться. Вон как вся Европа сверкает этими днями, мы — тоже европейцы. Ну иди, иди, посмотри, какой стол мы тут с матерью накрыли, да и Курловичи где-то через часок у нас будут. Ты же, думаю, не собираешься сидеть за столом в этом свитере? Иди переодевайся.

— Мне не так много и заплатили, налог большой вычли, — сказал Антон Павлович, — а ты уже готова встречать Новый год с размахом. — Ого, даже коньяк, и целых три бутылки. Не слабо! Кто это всё будет пить?

— Я, ты, да и Курловичи тоже... Мама пригубит для сосудов. На конь-

як, кстати, деньги дала она. А насчёт твоих денег... Это же тебе не изваяния пионеров в школьные дворы клепать, как когда-то в прежние времена. Ты повернёшься, наконец, к искусству. Уже вернулся, Веренич, а искусство — вещь капризная. К тому же мало кто понимает, что за него нужно платить, и немало!

— Не ёрничай, — отозвался он. — Деньги положу в тумбочку.

Он хотел ещё попросить, чтобы она сбавила этот свой, ненатуральный, возбуждённый тон, но не стал продолжать разговор. Как правило, такая её возбужденность могла привести к ссоре. Но не ругаться же рождественским вечером! Он пошёл в спальню переодеваться и вышел оттуда только тогда, когда в дверь позвонили Курловичи.

С пакетами, коробками, с букетом цветов они заняли всю прихожую, точнее, заняла Ирина, жена Игоря, которая просто вылезала из невероятно широкой шубы. Антон Павлович помог ей освободиться, при этом спросил с ноткой иронии:

— От Кардена?

— Наша, белорусская. Я принципиально ношу всё только своё, тем самым поддерживаю отечественную экономику. — Она подхватила какой-то пакет и стала руководить процессом: — Игорь, коробки, пакеты — хозяину, пусть несёт на кухню, цветы — хозяйке! — громко чмокнула в щёку Веру Николаевну, сказала приглушённо: — А у нас ещё подарок для тебя есть, кроме цветов. — И тут же скомандовала: — Антон, не стой, идём на кухню!

Там она шумно поздоровалась с Галиной Владимировной:

— С Рождеством, дорогая, с Рождеством! Вы — похудели, а я, видите, в своей обычной форме. Игорю нравится!

Антон Павлович только поморщился... Он с юных лет считал Курловича исключительным флегматиком. Вначале — доктор-сухарь, потом — профессор-педант, а в общем, жизнь — большая загадка, кто что в ней может понять, особенно если она касается мужчины и женщины. Что может Игоря держать возле неё? — он не однажды об этом думал. — Даже ребёнку ему так и не родила, а живут, как и он с Верой, уже более двадцати лет. Вначале Курлович защитил диссертацию, потом она. Он как-то спрашивал об этом у Игоря: вот, смотри, у нас уже сын какой, а где ваши дети? Игорь только отмахнулся, мол, мы пока живём только наукой. И что? Догоняли академика Павлова? Не догнали! Потом, видно, не решились, когда уже о младенце страшно подумать. И всё же чем-то она держит его? Об этом вот и тёща говорит.

— Всегда так приятно вас с Игорем видеть, — в голосе Галины Владимировны слышалось умиление. — Ничего не выкладываете в холодильник, я всё сделаю сама. Идите, Ирочка, в гостиную, там без вас, видно, затосковал Игорь. Вы такая чудесная пара, куда ниточка, туда и иголочка, всё вместе, вместе...

Последние слова тёщи несколько обидели Антона Павловича, говорит так, будто они с Верой не вместе.

— Ну, дорогая Ирина Петровна, — нарочито торжественно сказал он, — действительно, пойдём на блеск юпитеров, а точнее, к столу... Время зажигать рождественские свечи.

— Подожди ты со свечами да со столом, есть разговор тет-а-тет, зайдём на несколько слов к тебе в комнату, хочу, чтобы ты исполнил моё маленькое желание. В рождественский вечер не отказывают.

— Жела-а-ание? — удивлённо произнёс он и засмеялся. — Ну, если желание, конечно же, пойдём.

И там, в комнате, она просто рассмешила его своим маленьким желанием.

— Так что у тебя? — спросил он, как только сели на диван.

— Спокойно, спокойно, не напрягайся... Мелочь! У Игоря через два месяца день рождения. Хочу бюстик, пусть себе и из гипса.

— Какой бюстик?

— Обычный. Мой. Чтобы ты вылепил. Была я недавно в клинике, там у Игоря в кабинете голова какого-то дяденьки, академика. Так пусть лучше

моя стоит на столе, — и она расхохоталась... Антон Павлович даже отодвинулся от её могучего тела, подумал: “Привычка, только привычка может удерживать их вместе, а впрочем, зачем ему сегодня вникать в их отношения. Счастливая пара, они тоже с Верой счастливые, хотя...” Насколько он знает, у Игоря нет грешков, ну, может, было что-то в молодости. А вот он, Антон Павлович, нередко мог быть и негодником, понятное дело, в отношениях к Вере. У него были амуры, страсть ломала его как хотела, и что?! Перегорал, точнее, Вера своим молчанием давала ему возможность перегорать. Делала вид, притворялась, что ничего не видит, не замечает, только отдалялась на некоторое время, закапывалась в своей жизни, и он доходил только до определённой границы, до какого-то невидимого барьера. А попробуй Вера выяснять отношения, учинять ему допросы, закатывать истерики, неизвестно, чем бы те амуры могли закончиться. Возможно, ничем, а может, и разрывом. Разбежались бы. Он был человеком эмоций.

Его мысли будто подслушала Ира.

— Да ты не просто старый ловелас, Антоник, ты ещё и большой лентяй. Значит, бюста я не дождусь, так нужно понимать твоё молчание?

— У нас серьёзный разговор, Ирина Петровна. Конечно же, я не стану заниматься никаким бюстиком. За кого ты меня принимаешь, я — серьёзный творец...

В этот момент дверь комнаты раскрылась, вошла Галина Владимировна и оперлась спиной на стену, будто её не держали ноги.

— Антон, там... Вера. Она без сознания... — И тут же разрыдалась. — Спаси! Спаси её!

Когда Антон Павлович вбежал в гостиную, зацепившись за опрокинутый стул, в глаза бросилось тёмное пятно на ковре. “Кровь!” — сразу же пронеслось в голове. Вера лежала на диване, шея была залита кровью. Игорь склонился над ней, обмотал её голову полотенцем.

— Вай, вай! — взмахивала руками Ира. Она вбежала в гостиную следом за Антоном Павловичем и тут же бросилась назад. — Я боюсь крови!

— Не визжи! Слышишь, Ирка! — крикнул Игорь. — Вызывай “скорую”, а ты, — кивнул Антону, — поддержи полотенце, крови много, я слушаю пульс...

У Антона Павловича задрожали руки, он хотел спросить, что же тут такое произошло, а язык не слушался.

Игорь объяснил всё сам:

— Да успокойся... Она снимала вазу со шкафа, стул опрокинулся, ну и головой — об угол стола. Думаю, в голове может быть и стекло, разбила бокалы, которые, падая, сбросила со стола...

“Скорая помощь” приехала быстро. Вере сразу же сделали укол, но она не пришла в себя. Как выяснилось уже в госпитале, нужна была срочная операция.

Он не услышал, как в комнату вошла Галина Владимировна, оглянулся только, когда она заговорила:

— И чего ты до сих пор сидишь? Стол не убрали. Я думала, всё давно помыто, — и уселась рядом с ним, взяла его за руку. — Беда, Антон. Разве же могут ни с того ни с сего вырваться слова, лишённые всякого смысла? Тебе просто необходимо завтра же утром связаться с Игорем. — Помолчала. — А ты не думаешь, что он сделал что-то не так? Это же стоило только зацепить не тот, а соседний сосудик...

— Ну-ну, сосудик... Галина Владимировна, он — профессор и, добавлю, не лишь бы какой. Ничего он не зацепил, но с ним встречу обязательно. Может, Вере придётся лечь в больницу снова. Одним словом, идите ложитесь спать.

— А стол? Грязную посуду оставлять до утра?

— Я всё уберу...

Антон Павлович плохо спал ночью. Просыпался, опять засыпал. А под утро, когда стало уже светать, ему вспомнился приёмный покой госпиталя, куда они тем рождественским вечером привезли Веру. Её сразу же забрали, унесли на носилках.

— Ты будешь её сопровождать? — спросил Антон Павлович у Игоря, мол, ты — профессор, тебе позволят быть при ней.

— Нет, побуду здесь с тобой. Пусть вначале промоют, осмотрят рану. Слышал? Ей сейчас же делают снимок.

И этот ответ не понравился Антону Павловичу. Наверное, будет какой-нибудь консилиум, пусть бы Игорь поприсутствовал. Её же спасти нужно, Игорь может быть главным консультантом.

В приёмный покой вышел молоденький дежурный врач, громко спросил:

— Кто тут Веренич?

— Я... Я! — подскочил Антон Павлович. Доктор узнал Курловича.

— Профессор...

— Он самый, он самый... — Игорь подошёл к нему, уточняя: — Веренич Антон Павлович — мой друг, мы тут вместе нервничаем, — и повернулся к Антону. — Подожди, мы с доктором пройдемся.

Курловича не было довольно долго, а когда вернулся, ничего утешительного не сказал Антону Павловичу.

— У неё гематома на левом полушарии. Я уже договорился. Оперировать будет Степанчук, хороший доктор-практик.

— А ты? Ты сам... Ты делаешь наисложнейшие операции, к тебе из других городов приезжают. Просят, чтобы именно ты сделал. Как можно доверить Веру какому-то Степанчуку? — И вдруг у Антона будто помутился разум. — Я — дурак! Дурак! — хлопал он себя по лбу. — Теперь я понимаю, откуда у тебя этот двухэтажный домик под Минском. Ты берёшь деньги от пациентов, говорят же, что вы все берёте. А с меня ты не возьмёшь, я — твой друг, давний друг. С друзей не берут! Так что тебе моя Вера, — лучше спихнуть, отдать её, лежащую без сознания, в чужие руки. Ты и Виталику нашему отказался помочь, когда он решил поступать в медицинский здесь, в Минске. Пришлось ехать в Витебск, там он сам поступил. И теперь вот... Вера, возможно, между жизнью и смертью, и ты в такой момент можешь отступить?

— Замолчи! Я тебя сейчас по стене размажу.

Антон Павлович видел, как побледнел Курлович, как весь напрягся, резко повернулся и пошёл по длинному коридору... И Антон Павлович растерялся, не знал, что же ему теперь делать. Ехать домой или ожидать Игоря? Должен же он вернуться сюда. И искренне жалел, что всё так неожиданно получилось: зачем, зачем так распустил нервы, взорвался?!

Игорь вернулся быстро. Он был уже совершенно спокоен, только почему-то старался не смотреть на Антона Павловича.

— Пойдём ловить такси. Веру я прооперирую сам, но запомни, я ни за что не отвечаю...

И вот теперь Антон Павлович вспомнил то “но”... Значит, Игорь в чём-то сомневался, не доверял сам себе. И позвонить Курловичу решил очень рано, чтобы встретиться с ним до работы, потому что позже тот уже может быть занят неотложными делами. Позвонил в семь часов. Веру не стал будить, только сказал Галине Владимировне, чтобы к обеду его не ждали, потому что задержится в мастерской, надо закончить давно уже начатый заказ, а потом полностью заняться усадьбой, возможно, даже уехать туда на всё лето. Для этого нужно несколько недель попотеть здесь.

Когда подъехал к клинике, машина Игоря уже стояла у ворот. Припарковался, но выйти из машины не успел. Увидел Курловича, тот показывал ему знаками, мол, оставайся в машине, и быстро направился к ней, открыл дверку, сел рядом.

— Ну, что там у вас произошло?

Антон Павлович старался говорить коротко. Игорь слушал внимательно, в какой-то момент хотел что-то переспросить, но махнул рукой, мол, продолжай, и попросил сигарету, свои забыл в машине. Когда Антон Павлович закончил рассказывать о том, что тревожило, о своих волнениях и взглянул на Курловича, в мыслях возмутился: “Это же надо быть таким флегматичным, безразличным человеком. Уверен, что он думает сейчас о чём-то совсем другом, находится где угодно, только не в этой машине”.

— Ну, что ты скажешь? Может, Вере стоит лечь на обследование?

Игорь долго тупил сигарету, потом как-то слишком уж внимательно, странно вато посмотрел на него.

— Ничего не могу сказать, Антон. Если бы у неё что-то болело, понимаешь, был бы болевой симптом... А тут другое, не имеющее смысла. Это уже психика. Не принимай близко к сердцу, — бодро похлопал его по плечу. — Будем думать. Ты сейчас куда?

— В мастерскую.

— Ну так езжай. Буду звонить, — сжал его руку и вышел из машины.

“Действительно, — уже в мастерской думал Антон Павлович, — ничего страшного не случилось. Правильно сказал Игорь: психика. Тонкая женская натура. Женщина говорит об одном, думает совсем другое, а делает вообще что-то третье. Ну, сказала невпопад, а они с тёщей встревожились. Глупости. Нужно выбросить из головы”.

И ему хорошо работалось, он успокоил себя и уже только под вечер начал собираться домой. По пути заехал в магазин, взял бутылку шампанского. В него почему-то вселилась уверенность, что вряд ли подобное с Верой повторится, и он с лёгким настроением вошёл в подъезд. Заметив — что-то белее в почтовом ящике, открыл его. На конверте, который лежал там, прочитал свою фамилию. Тут же разорвал его, достал лист бумаги, пробежал взглядом по строчкам и вынужден был поставить портфель, который до этого держал в руках, на ступеньку. Рядом с портфелем сел и сам. То, что было написано в письме, хотелось не прочитать, а скорее проглотить в одночасье.

“Дорогой Антон! Давай с первой же строчки заключим с тобой мужской договор: ты никогда ни в чём не упрёкнешь меня, тем более её, Веру. Ты всё простишь мне и ей, и ничего в наших отношениях не изменится, мы по-прежнему останемся друзьями. Если бы это было временное увлечение, ты никогда бы не получил от меня такого письма. Но это была и есть любовь. Сколько раз мы представляли с Верой, как придём к тебе в мастерскую, как будем просить твоего прощения, считай, благословения, но мечты продолжали оставаться мечтами. Мешало одно: ты — мой друг. И я с самого начала, все эти более чем десять лет, крал Веру у тебя, прячась, затаиваясь. Мы надеялись, что однажды ты сам всё поймёшь и отпустишь её, оторвёшь от себя, но ты не отпускал, ты ничего не видел, ничего не замечал. Считал себя счастливым, а счастье — слепое. Случалось, что Вера хотела обо всём тебе рассказать, но я её сдерживал, боялся потерять нашу дружбу. Если бы я был не почтенным профессором, а мальчиком-гимназистом, я мог бы пустить себе пулю в лоб.

За несколько дней до того рождественского вечера ты предупредил Веру, что до ночи будешь в мастерской. Ещё один вечер был наш. Мы забрели с ней в какой-то детский скверик, где меж деревьев возвышался деревянный конь. Вера вскочила на него, смеялась, как девчонка, а я подумал: “Теперь или никогда!” И сказал ей: “Знаешь, Вера, а эта лошадка нас куда-то унесёт, куда-то не вывезет, потому что она из дерева. Мы должны, наконец, что-то понять и попробовать пожертвовать всем, что имеем...” Антон, я всё это говорил ради тебя. Ошеломлённую, полную горечи, я привез её домой и думал, что пересилою свои чувства, а назавтра уже готов был рвать волосы на себе, биться головой о стену: что я наделал?! И твой звонок, когда ты позвонил, приглашая на рождественский вечер, был как спасательный круг, как возможность вернуть всё назад. Ты правильно думаешь, я — мерзавец, гнусная тварь, но разве отказывался ты сам когда-нибудь от своих чувств?

Тогда, тем вечером, Ира потянула тебя на кухню, я видел, как Вера зашла в спальню, и с цветами бросился следом за ней. Прости, но в твоё отсутствие нередко это была и моя спальня. Я повернул ключ в двери, подхватил Веру на руки, но она выскользнула и оттолкнула меня. Я начал обрывать лепестки с цветов и то обсыпал ими Веру, то швырял их на кровать. И вот тогда она произнесла ту самую фразу: “Зачем ты это делаешь? Эти цветы не смеются. Они не смеются!” С этой фразой в мыслях она, наверное, и падала, с ней и теряла сознание. Слова глубоко засели в каком-то да-

лёком уголке её мозга, но, поверь мне, это со временем потускнеет и рассеётся... Всё проходит, пройдёт и это. Она уже приняла для себя решение: она остаётся с тобой, а со мной — любовь к ней. Так и будем жить: я, она и ты — мой друг. Антон, ты должен простить, как я простил тебе твоё оскорбление.

Помнишь, тогда, в том приёмном покое, ты сорвался, сдали нервы, начал обвинять меня, мол, берёшь с пациентов деньги. Это было оскорбление... Я... Я боялся, что в какой-то момент меня подведут руки. Ты сам смог бы ковыряться в крови, в мозгах любимой женщины? Но я это смог, значит, и ты сможешь нас простить. Если вдруг надумаешь пригласить на свою усадьбу, мы с Ириной с благодарностью примем приглашение.

Надеюсь, что остаюсь твоим другом. Игорь Курлович”.

Антон Павлович, дочитав всё до конца, медленно смял письмо. Подумал и сунул его в карман куртки. На лифте не стал подниматься. Внезапно потяжелевший, пошёл по лестнице на свой седьмой этаж. И как только вошёл в прихожую, услышал голос Веры Николаевны:

— Антон, ты? Мы тут с мамой на кухне. Иди к нам, посмотри, какое чудо!

Но на кухню он не спешил, стал снимать куртку... И Вера Николаевна вышла к нему сама с каким-то красочным пакетиком в руках.

— Смотри, семена. В выходные поработаем. Взгляни, что тут у меня! — И стала показывать, радостная. — Здесь — настурция, вот — астры, а это — королевская цинния...

И ему захотелось сделать ей больно, очень больно, чтобы она поняла, что он обо всём знает, чтобы затрепетала вся, разрыдалась, начала вымаливать у него прощение, может даже, чтобы упала на колени. Он допускал и такое, ему хотелось этого. И сказал её же фразу, ту самую, что так встревожила его:

— Эти цветы не смеются. Они не смеются!

— Известное дело, не смеются, — спокойно согласилась Вера Николаевна. — Они же на пакетах, нарисованные на бумаге. А вот если их посадить, если они взойдут, пойдут в рост, а потом расцветут... Ты, Антон, совсем не разбираешься в цветах. Цветы могут смеяться.

Перевод с белорусского автора